

Л.С.Хейфец

«Ответ», вызывающий новые вопросы

Батиста Ф. Ответ. Подольск: Музей антибольшевистского сопротивления, 2021, 288 с.

В данной рецензии проанализированы недавно переведенные на русский язык воспоминания бывшего руководителя Кубы Фульхенсио Батисты. Взгляды автора на кубинскую революцию критически сопоставлены с рядом фактов, известных из литературы.

Ключевые слова: Куба, революция, историография, Фидель Кастро, Фульхенсио Батиста, Коммунистическая партия Кубы.

DOI: 10.31857/S0044748X0019917-7

Рецензия поступила в редакцию 03.01.2022.

Появление рассматриваемой книги уже на этапе ее выхода в свет вызвало серьезную дискуссию среди ученых-латиноамериканистов, людей, интересующихся историей континента, и мнения оказались полярными. «Давно пора познакомиться с представлением Батисты о кубинской революции», — писали одни. «Ни в коем случае нельзя допустить публикацию книги этого диктатора и убийцы», — возражали другие. Представляется, что предмета спора, собственно, и нет. История требует всестороннего анализа событий и явлений. «Ложь — религия рабов и хозяев. Правда — бог свободного человека». Эти слова Сатина из пьесы А.М.Горького «На дне» стали хрестоматийными. Однако постижение правды — тяжелый труд. Понять, что такое правда, и стать свободным очень непросто. Но истина Сатина — лишь часть правды. И то, что он считал ложью, для Луки являлось его правдой.

Простая замена одной правды (революции Фиделя Кастро) на другую (режима Фульхенсио Батисты) — не лучший способ разобраться в кубинских реалиях второй половины XX в. Абсолютную объективность при сравнении двух полярных позиций соблюсти невозможно, к познанию истины можно только стремиться, но познать ее невозможно. У кубинской революции были и есть безусловные убеж-

Лазарь Соломонович Хейфец — доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета (РФ, 199034 Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7-9; профессор Государственного университета аэрокосмического приборостроения (РФ, 190000 Санкт-Петербург, Большая Морская ул., 67, <https://orcid.org/0000-0001-6376-7813>, ilaranspb@hotmail.com).

денные сторонники. Одновременно были и есть люди, ненавидящие «режим Кастро». Наверное, можно согласиться с Р.Киплингом, сформулировавшим красивую идею: «О, Запад есть Запад, Восток есть Восток, не встретиться им никогда».

Поэтому нужно выразить признательность С.Ю.Василенко за то, что он способствовал выходу этой книги на русском языке. Но, к величайшему сожалению, энтузиазм издателя, искренне стремившегося донести точку зрения свергнутого кубинского диктатора Ф.Батисты до российского читателя, и некоторая идеологическая детерминированность не всегда позволяли Василенко в обстоятельном предисловии и комментариях остаться объективным и как бы вынудили его сделать несколько существенных ошибок. Неточно расставленные акценты временами меняют смысл слов.

Трудно согласиться с издателем в том, что от «советской латиноамериканистики мало что осталось... и поэтому познания современного российского общества о кубинской революции находятся на уровне конца 70-х — начала 80-х гг.» (с. 6). Конечно, такого интереса к ней, который был в первые десятилетия существования революционного режима, сегодня нет, да и быть не может. Я хорошо помню, как чуть ли не весь Ленинград вышел встречать приехавшего в СССР Фиделя в мае 1963 г. И было это не по разнарядке обкома КПСС, а по зову сердца. Но прошло время, выросли новые поколения, для которых Куба и ее революция давно уже перестали быть символом революционной молодости, революционного прорыва, а являются не более чем фактом истории.

Автор предисловия, безусловно, прав, утверждая, что из-за стремления снизить свои затраты издательства в 1980—1990-е годы покупали права на наиболее дешевые книги, в первую очередь об Эрнесто Че Геваре. Нельзя не признать: даже специалисту иной раз трудно было понять тексты, переведенные наспех, абсолютно непрофессионально. Но наряду с этим появились и переводы блестящих книг Пако Игнасио Тайбо II [1] и Джона Ли Андерсона о Че [2]; в этих работах максимально объективно описаны жизнь и борьба «героического партизана». Кроме того, начиная с конца 1990-х годов стали выходить научные исследования и публикации в СМИ, позволившие критически переосмыслить кубинский феномен. Это и вышедшая тремя изданиями книга Александра Фурсенко и Тимоти Нафтали «Адская игра» [3] (другое ее название — «Безумный риск») [4], и монография Серго Микояна [5], и биографии Фиделя Кастро (автор — Максим Макарычев [6]) и Рауля Кастро (под авторством Николая Леонова [7]), книга Сергея Брилева «Фидель. Футбол. Фолкленды» [8], фундаментальная «История Латинской Америки» ИВИ РАН, ряд исследований сотрудников Института Латинской Америки и СПбГУ [9]. Да не сочтут читатели нескромным, но и автор этой рецензии вместе с постоянным соавтором опубликовали несколько книг и статей, в которых на основе ранее недоступных документов попытались по-новому взглянуть на события кубинской истории. Отмечу также, что и взгляд на кубинскую революцию «из Майами» до-

статочно подробно излагался некоторыми СМИ конца 1980 — начала 1990-х, двумя изданиями была опубликована книга бескомпромиссного критика «режима Кастро» Карлоса Альберто Монтанера «Накануне краха» [10].

Да, в отечественной латиноамериканистике имеют место некоторые атавизмы очарования кубинской революцией. Но разве это не естественно? Но следует признать и то, что наша отрасль исторической науки сумела накопить новые знания, выработать новые подходы, позволяющие дистанцироваться от советского прошлого.

Признаюсь честно: чтение рассматриваемой книги во многом разочаровало. Ожидая найти в ней анализ событий, пусть и написанный второпях, по горячим следам, автор настоящей рецензии увидел в итоге лишь безудержное оправдание Батистой своей беспомощности перед шквалом революции, который и смел режим. Очень жаль, что не издана первая часть мемуаров. Как представляется, взгляд Батисты на события 1930—1940-х годов позволил бы точнее понять его самого и его роль в истории страны. Попробую изложить несколько сумбурные впечатления, сложившиеся в ходе прочтения воспоминаний.

«Коммунизм является неизбежной темой в любом обсуждении режима Кастро... Куба под Кастро — это сателлит красных, который нужен России близ берегов Америки» — писал Батиста в 1960 г. (с. 40). Надо отдать должное экс-диктатору: он увидел значительную роль компартии и коммунистических идей в кубинском обществе, то, чего до сих пор не замечают многие исследователи, видящие в революции Кастро только роль повстанческой войны. В свое время именно такое поверхностное видение привело к эйфории от быстрого успеха повстанцев и породило феномен гериллы в большинстве стран Латинской Америки. Вопрос в другом: пытаюсь запугать читателя «коммунистической угрозой», Батиста гиперболизировал эту роль, демонизировал коммунистов, аргументируя свои позиции явными домыслами.

Мемуарист очень трепетно относился к оценке своего места в истории страны, категорически отметая обвинения в диктатуре: «Многие люди теперь убеждены, что я был «диктатором» и «тираном», а Кастро — «демократом» и «гуманистом» (с. 213-214). На страницах книги эта мысль проходит как рефрен. Для обоснования своей позиции Батиста даже привел характеристики демократического, диктаторского и тиранического режимов: «Диктаторский режим — это режим, при котором один человек имеет абсолютную власть, хотя и использует существующие законы». (с. 214). Ну, действительно, можно ли применить такую оценку к сержанту-стенографу, всего лишь возглавившему армию, на протяжении почти семи лет контролировавшую политическую власть, сменив за это время семь президентов? Батиста, видимо, полагал эти детали «мелочами». Мотивы революции 4 сентября объясняются им просто и доходчиво: «... страна находилась в состоянии анархии — сотни людей, убитых на улицах, разграбленные дома и учреждения, центры производства, особенно сахарные заводы, были захвачены коммунистами... Я возглавил революцию [4 сентября 1933 года], которая победила *без кровопролития*; тогда, так же, как и во время революции 1952 года, не было пролито ни одной капли крови» (с. 233-234).

Какую же роль играл Батиста? Как отмечено в предисловии, он выступал «гарантом порядка и спокойствия» на фоне президентской чехарды (в 1930-е годы) (с. 13), т.е. контролировал политические процессы. В критикуемой в книге историографической традиции это трактуется иначе: армия контролировала политические процессы, назначая и смещая президентов. Разве кто-то из них был избран? Разве не было президентов на один день? Разве не Батиста был «делателем» президентов, то бишь традиционным каудильо?

Бывший «сильный человек» Кубы нарисовал автопортрет, тщательно выписав образ «гиганта мысли, отца кубинской демократии», ее бескомпромиссного и бес-

корыстного защитника, всю свою политическую карьеру не снимавшего белых перчаток. Но не совсем понятно, что он имел в виду. Разве не после победы «заговора сержантов» военные обстреляли из пулеметов демонстрацию во время перезахоронения праха студенческого лидера Хулио Антонио Мельи, подавили с применением артиллерии восстание мачадовских офицеров в отеле *Nacional*, расправились над руководителем «Молодой Кубы» Антонио Гитерасом (членом «правительства 100 дней», начавшим борьбу против «диктатуры Мендиэты — Кэффери — Батисты»), убили лидера Национальной федерации медиков Хосе Элиаса Борхеса, *etc, etc...* Этот список можно продолжать. «Сотни убитых» как мотив переворота? Не пролито ни одной капли крови? Вполне очевидно, что Батиста кривил душой.

Говоря о побудительных мотивах своей «революции», автор забыл упомянуть, что режим Херардо Мачадо был свергнут в результате всеобщей забастовки, организованной Национальной рабочей конфедерацией Кубы (*Confederación Nacional Obrera de Cuba, CNOC*) и Коммунистической партией Кубы (*Partido Comunista de Cuba, PCC*). Успех был настолько неожиданным для партии, что она не смогла (даже и не старалась) взять власть, а временное правительство Карлоса Мануэля Сеспедеса не пыталось (да и не могло успеть за три недели) решить социальные проблемы. А вот рабочее движение в ходе августовской антимачадовской революции ощутило свою важную роль в жизни страны: на Кубе действительно стремительно увеличивалось количество мощных стачек, рабочие начинали устанавливать контроль над предприятиями. В предисловии это трактуется как использование «нестабильной ситуации различными радикальными движениями коммунистического толка» (с. 12). Разве коммунисты как политическая сила, добившаяся успеха 12 августа, сбросив диктатуру Мачадо, не имели морального права на то, чтобы занять достойное место в политической жизни? Впрочем, пленум Центрального Комитета *PCC*, взявший курс на создание Советов, проходил в конце августа, когда «заговор сержантов» уже форсированным маршем двигался к реализации. Первый «Совет» (в Мабасе) был создан только 13 сентября. Позволю себе задать вопрос, скорее риторический: так, кто же использовал «нестабильную ситуацию» в свою пользу — «сержанты» или «коммунисты»?

Тема коммунизма и роли компартии несколько раз затрагивается на страницах книги. Батиста указывает на его «не предположительную, а вполне реальную угрозу». Он отмечает способность коммунистов «мимикрировать», опираясь на методы, позволяющие «приспосабливаться и облегчать проникновение в системы и среды, заражая разные слои общества» (с. 237).

И здесь нельзя не согласиться с экс-диктатором, только вместо минуса я тут поставил бы плюс. Влияние коммунистов на Кубе в самом деле было велико. Да, они не могли похвастаться выдающимися электоральными успехами, а число сенаторов и депутатов было невелико. Но сила партии и ее влияние на общественное сознание были не на электоральном поле. Главным достоинством «первой марксистско-ленинской партии Кубы» являлась реализация стратегии Хулио Антонио Мельи по соединению рабочего и студенческого движения [11, pp. 81-100]. В политическую, культурную жизнь страны пришло целое поколение людей, участвовавших в студенческом и профсоюзном движении 1920—1930-х годов, находившемся под влиянием коммунистов. Не все они остались в рядах «первой марксистско-ленинской партии»: некоторые присоединились к ортодоксам — Леонардо Фернандес Санчес, Исидро Фигероа, аутентикам — Аурелиано Санчес Аранго, Эусебио Мухаль, влились в ряды М-26-7 — Давид Сальвадор, Карлос Франки. Даже среди яростных сторонников Батисты был бывший активист компартии Роландо Масферрер. Огромной популярностью марксистские идеи пользовались в среде интеллигенции. Одной из важнейших предпосылок столь стремительного перерастания кубинской революции в социалистическую было наличие глубоких

корней в обществе. Напомним, что еще в 1944 г. тогдашний лидер коммунистов Блас Рока написал книгу «Основы социализма на Кубе», в которой сформулировал предпосылки этого процесса.

Именно указанная выше роль компартии стала побудительным мотивом для Батисты, заключившего с ней электоральный союз в 1939 г. перед выборами в Учредительную ассамблею (в то время партия называлась Революционно-Коммунистическим союзом (*Unión Revolucionaria Comunista, URC*), с 1944 г. — Народно-Социалистической партией (*Partido Socialista Popular, PSP*). Правда, забыв об этом, Батиста пишет о поддержке коммунистами своего правительства «во время Второй мировой войны, когда Соединенные Штаты и Англия были союзниками с Советской Россией» (с. 265). Его поддерживает и автор предисловия: «... в условиях начавшейся Второй мировой войны коммунисты (Кубинская коммунистическая партия и Революционный союз), согласно установкам Москвы, умерили свой радикализм и были готовы под лозунгом борьбы с фашизмом вступать в политические союзы и блоки» (с. 14).

Здесь мы видим сразу несколько, мягко говоря, неточностей. Во-первых, в 1939 г. еще не существовало антигитлеровской коалиции, в которой участвовали СССР и США, но альянс Батисты с коммунистами уже был. Во-вторых, *PCC* не всегда и не во всем следовала директивам Коминтерна. Еще в 1927 г. Мелья предлагал альянс коммунистов и Националистического союза (*Unión Nacionalista, UN*) для организации вооруженной борьбы против Мачадо, отвергнутый Москвой. Кстати, лидер *UN* Карлос Мендизта был президентом в 1934—1935 гг. В апреле 1935 г., еще до VII конгресса Коминтерна, провозгласившего курс на Народный фронт, генсек *PCC* Блас Рока обсуждал в Майами с Рамоном Грау координацию действий с аутентиками, а в 1936 г. *PCC* вместе с «Молодой Кубой» (*Jóven Cuba*) и Кубинской революционной партией (аутентиками) (*Partido Revolucionario Cubano (auténtico), PRC(a)*) в Кайо-Ларго приняла решение направить в Испанию членов своих вооруженных организаций, готовивших вооруженное восстание против диктатуры [12]. В-третьих, никак нельзя согласиться с комментарием переводчика о явных «пятнах» в биографиях старых коммунистов Карлоса Рафаэля Родригеса и Хуана Маринельо, так как они занимали должности в правительстве Батисты в 1940-е годы (с. 64). *PSP* и ее лидеры не только никогда не замалчивали этот факт, но считали это своим достижением.

Надо отдать должное С.Василенко, поправившему автора: «сам Батиста не имел собственной сколько-нибудь крупной политической организации... он всегда опирался прежде всего на профсоюзы, которые на Кубе традиционно имели очень большое влияние. В данном случае важнейшую роль играла поддержка новой Конституции [1940 г.] со стороны Конфедерации трудящихся Кубы (*Confederación de Trabajadores de Cuba, CTC*) — крупнейшего профсоюзного объединения страны, контролировавшегося в это время именно коммунистами» (с. 14).

Говоря о причинах «революции 1952 года», Батиста утверждает: «Нашей первой целью было спасти страну от хаоса, и народ с удовольствием наблюдал падение правительства Прио, которое опозорило само себя» (с. 69). Коррупция являлась одним из главных обвинений, выдвигавшихся в адрес правительства аутентиков. Но разве для искоренения коррупции нельзя было отстранить их от власти посредством триумфальной победы на выборах? Или шанса на легитимный приход к власти не было, и только переворот открывал дорогу к ней? Как пишет Батиста, «выборы, запланированные на 1952 год, были перенесены на 1953-й, но также не состоялись» (с. 60). Правда, при этом автор забывает упомянуть о том, что именно он отменил выборы, приостановил конституционные гарантии, заложенные в его собственном детище — Конституции 1940 г., значимость которой Батиста все время отмечает на страницах книги. Одним из первых ответов противников переворота были символические похороны

Конституции (6 апреля 1952 г.). Перед процессией с национальным флагом шел студент Рауль Кастро, в ней участвовали Хосе Антонио Эчеверриа, Хуан Педро Карбо, Армандо Арт. Этот протест был мирным. Эти люди лишь через год взяли в руки оружие для борьбы с диктатурой.

Позже, для укрепления и легитимизации своей власти Батиста ослабил ограничения, объявил амнистию, провел выборы, на которых «триумфально» победил. Позволю себе поиронизировать: чем, если не заботой о демократии, можно объяснить все эти действия? Видимо, Батиста искренне считал диктатуру самым коротким и радикальным путем к формированию демократического общества.

На страницах книги идет спор вокруг бескровности режима, установленного 10 марта 1952 г., и «кровожадности революции Фиделя Кастро». «Двадцать тысяч смертей?», — задает Батиста риторический вопрос (с. 41), а издатель уточняет: эта цифра придумана в редакции оппозиционного журнала *Bohemia*. Чуть позже следует еще одно разъяснение: «после прихода к власти Кастро журнал *Bohemia* ... начал публиковать списки «жертв режима» (кавычки издателя мемуаров. — Л.Х.). После обнаружения 849 фамилий публикация прекратилась» (с. 226). Возможно, действительное число жертв было меньше названного в журнале, а затем растиражированного. Но зададим наивный вопрос: а 849 — это мало? Если — да, то тогда мы по-разному смотрим на цену человеческой жизни. Есть еще один немаловажный нюанс: владелец журнала — Мигель Анхель Кеведо, эмигрировавший с Кубы летом 1960 г. и перешедший в стан противников революции, — в письме своему соратнику Эрнесто Монтанеру (якобы написанном перед самоубийством (1969 г.), заявил, что указанные сведения — плод воображения «запойного маньяка» Энрике де ла Оса (после эмиграции Кеведо более десяти лет возглавлявшего журнал). Но другой соратник Кеведо — Агустин Тamarго — оценил это письмо как «мошенничество» Монтанера, ибо оригинал письма или его факсимиле никто не видел. В те времена понятие «фейк» еще не было на слуху, но что здесь фейк, а что правда?

Батиста недвусмысленно намекает на некий всемирный коммунистический заговор, частью которого была революция на Кубе. Однако впервые об отношении кубинских коммунистов к повстанцам советские вожди слышали в 1957 г. на Международном совещании коммунистических и рабочих партий из уст Мануэля Лусардо, оценившего борьбу партизан как весьма ограниченную, не имеющую перспектив распространиться на другие районы страны, неспособную «превратиться в решающий фактор кубинской действительности» [13]. Движение 26 июля и его лидер, по мнению делегата *PSP*, являлись «представителями мелкой буржуазии, которые в ряде случаев имели, правда, весьма робкие, антиимпериалистические тенденции». Задачу партии Лусардо видел в том, чтобы направить Движение, «которое пользуется большим престижем и влиянием в стране, особенно у мелкой буржуазии, на правильную позицию массовой борьбы и единства» [13]. Аналогичной позиции партия придерживалась и в отношении других политических организаций и групп «буржуазной оппозиции».

На самом деле у советского руководства была уникальная возможность получить информацию о повстанческих планах Фиделя. Скромный сотрудник посольства СССР в Мексике Николай Леонов, познакомившийся с Раулем Кастро на судне *Andrea Gritti* еще до Монкады, случайно встретился с ним в Мехико в 1956 г. и общался с ним и Че Геварой [2, с. 194]. Но после ареста мексиканской полицией руководителей готовившейся экспедиции на яхте *Granma*, в ходе которого у Че нашли подаренные молодым дипломатом книги и его визитную карточку, начальство сочло это знакомство предосудительным и отозвало Леонова на родину. Его услуги оказались востребованы на кубинском направлении советской внешней политики только после победы революции.

Серьезные сомнения вызывает тезис Батисты о широкомасштабной поддержке властями США кубинских повстанцев. То, что некоторые политики, отдельные организации, в том числе и такие, как ЦРУ, могли проявлять интерес и сочувствие к борьбе некоммунистических антибатистовских сил, не вызывает сомнения. Было бы наивным предполагать обратное, если только взглянуть на карту и оценить геополитическое положение Кубы. Не исключено, что и в рядах повстанцев были, как пишет Василенко в предисловии (со ссылкой на инспектора ЦРУ Л.Киркпатрика), представители этой организации (с. 22). Достаточно вспомнить команданте Второго фронта Эскамбрай американца Вильяма Моргана, осужденного в 1961 г. как агента ЦРУ, хотя его принадлежность к разведке подтверждена не была. Но поверить в то, что городское Движение 26 июля действовало «под покровительством посольства США» трудно. Если бы дипломаты из высотки на Малеконе не интересовались действиями подпольщиков и партизан, их наверняка изгнали бы из аппарата Госдепартамента. Но покровительство... Это тот случай, когда вслед за Александром Галичем хочется воскликнуть: «А из зала мне кричат: давай подробности!».

Батиста жалуется: «Правительство не могло получить оружие даже по контрабандным каналам, а террористические группы получали его в изобилии и в самих Соединенных Штатах, и у своих союзников в Центральной и Южной Америке» (с. 110). При этом он забывает, что после введения эмбарго в марте 1958 г. некоторое количество оружия из США все-таки просачивалось, не говоря уже о поставках из Великобритании, Дании, Италии, Бельгии, Доминиканской Республики.

Что же касается «воздушного моста» между США и Свободной территорией, о котором говорится в предисловии, то его наличие вызывает серьезные сомнения. Помощь повстанцам действительно поступала. Достоверно известно о нескольких таких рейсах. 30 марта 1958 г. в Сьенагилье приземлился двухмоторный самолет из Коста-Рики, на котором прилетела группа активистов Движения 26 июля [14, р. 232], и было доставлено оружие, «присланное одним влиятельным другом из той страны»: 2 пулемета, несколько десятков винтовок, мины и около 50 тысяч патронов» [15, с. 54]. «Влиятельным другом», имя которого не захотел назвать в мемуарах *Jefe Máximo* кубинской революции (из-за его более позднего неприятия политики революционного правительства) был президент Коста-Рики Хосе Фигерес (1948—1949, 1953—1958, 1970—1974 гг.), на свои средства снарядивший этот и еще два самолета с оружием. Прилетевший первым самолетом тогдашний соратник Фиделя Убер Матос вспоминал, что Кастро лично опробовал все это оружие, стреляя из него «как ребенок, который просыпается на Рождество: теперь мы действительно выиграли войну» [16]. Учитывая последующую роль команданте Матоса, одного из самых бескомпромиссных противников Кастро, трудно сомневаться в достоверности его информации. 6 декабря 1958 г. на повстанческом аэродроме в Сьерре приземлился самолет с оружием, приобретенным на средства, собранные венесуэльской секцией Движения 26 июля и пожертвованные революционной властью Венесуэлы. Этим же рейсом на Кубу прилетел и временный президент Кубы Мануэль Уррутиа [14, р. 78].

В связи с сюжетом о поставке оружия возникает несколько вопросов. Был бы так неподдельно счастлив вождь повстанцев, если бы действительно существовал «воздушный мост» из США? Как объяснить то, что в самом крупном сражении герильи — битве за Санта-Клару — наиболее мощным оружием повстанцев был «Дракон-1» — танк, переоборудованный Камило Сьенфуэгосом из бульдозера?

На страницах книги генерал-президент много места уделяет рассуждениям о причинах краха своей власти. Для него естественным оказалось обвинение в адрес «международного коммунизма», с «неслыханной наглостью» усилившего «кампанию террора и лживой пропаганды» (с. 69). Частью этого коварного заговора Ба-

тиста объявил действия «террористов», «умышленно провоцировавших ответные репрессии со стороны правительства», и прессу, которая связывала эти «печальные события с существованием «диктаторского» и «жестокоего» режима, выставляя генерала «как диктатора без совести» (с. 70-71).

Автор книги явно испытывает раздражение по поводу своего любимого детища — армии. Руководителя заговора полковника Рамона Баркина, «пользовавшегося доверием правительства», Батиста обвинил в обмане, а потом и в «тяжком вероломстве», «преступной капитуляции», когда тот, после двух дней руководства страной в январе 1959 г., передал армию «под контроль орды бородатых преступников, которые ее так и не победили» (с. 80). Важно отметить и то, что армейский заговор был раскрыт до высадки с *Granma* и свидетельствовал о неприятии частью офицерского корпуса «революции 1952 г.» вне связи с повстанческой войной.

Батиста упрекает армейские подразделения, сдававшиеся повстанческим группировкам осенью 1958 г., в «халатности, сговоре, подкупе или страхе и трусости» (с. 72). У регулярной армии, по его мнению, «отсутствовала адекватная тактика», что вызывало «медлительность в борьбе с партизанами» (с. 120). Одну из причин состояния, в котором находились антипартизанские силы, экс-диктатор усматривал в отсутствии взаимодействия руководителей операции, соперничестве и спорах генералов Франсиско Табернильи и Кантильо (с. 121-122).

Итогом разброда и шатаний в главной опоре режима стал вывод, к которому пришли высшие армейские руководители, сформулированный Начальником объединенного генерального штаба Ф. Табернильей: «Солдаты устали, а офицеры не хотят воевать. Больше ничего не поделаешь», «наше дело проиграно» (с. 134, 143). Армия не капитулировала. Она просто перестала воевать. Но почему исчезла бывшая консолидация старых соратников и почему они перестали сопротивляться повстанцам? Только из-за недостатка оружия? Что это было: предательство, дезертирство, личное соперничество, подкуп со стороны повстанцев, желание сохранить или даже усилить свою роль при новой власти и т.д., о которых как о причинах поражения пишет мемуарист? Или же то, что США бросили Батисту на произвол судьбы? Ну, и, конечно, международный коммунистический заговор, ключевую роль в котором играл скрытый коммунист Фидель Кастро. Поневолу можно вспомнить анекдот советских времен: Кастро в кабинете у Хрущева отдирает наклеенную бороду со словами: «Не могу больше, Никита Сергеевич!». «Надо, Федя, надо!».

А если оставить в стороне иронию, то нельзя не задаться вопросом: смогла бы повстанческая армия одержать победу над регулярной, в десять раз превосходившей ее по численности, если бы режиму Батисты не отказало в поддержке практически все кубинское общество? «Спасибо, Фидель!». Да, возможно, не все кубинцы понимали тогда истинные намерения и цели Фиделя, но в этих словах жителей Гаваны, написанных на витринах и лобовых стеклах автомобилей во время триумфального вступления повстанцев в столицу, было совершенно ясно выражено неприятие, отвержение власти Батисты. Это и есть ответ на сетования бывшего «сильного человека» Кубы.

Наверное, было бы грешно упрекать Фульхенсио Батисту в сознательном желании извратить историю. Он так видел... Возможно, для российских читателей знакомство с позицией проигравшего диктатора — шаг к более объективному восприятию истории Кубы. Будем ждать публикации обещанных издательством мемуаров полковника Рамона Баркина и участников борьбы против Революционного правительства в горах Эскамбрай. Лицом к лицу лица не увидать. Большое видится на расстоянии.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Тайбо П. П. И. Гевара по прозвищу Че. М.: Эксмо-Пресс, 2000, 800 с. [Taibo P. I. Guevara po prozvischu Che [Guevara also called as Che]. Moscow, Ekmo Press, 2000, 800 p.
2. Андерсон Дж. Л. Че Гевара. Важна только революция. СПб: Амфора, 2009, 767 с. [Anderson Dzh. L. Che Gevara. Vazhna tolko revoliutsiia [Che Guevara: Only Revolution Matters]. Saint-Petersburg, Amphora, 2009. 767 p.
3. Фурсенко А; Нафтали, Т. Адская игра. Секретная история Карибского кризиса. 1958-1962. М.: Гея итарум, 1999, 556 с. [Fursenko A., Naftali A. Adskaya igra. Sekretnaya istoriia Karibskogo krizisa. 1958-1962 [One hell of a gamble": The Secret Story of the Caribbean Crisis, 1958-1964]. Moscow: Geia-Itarum, 1999, 556 p.
4. Фурсенко А; Нафтали Т. Безумный риск. Секретная история Кубинского ракетного кризиса 1962. М.: Росспэн, 2006, 544 с. [Fursenko A., Naftali A. Bezumnyi risk. Sekretnaya istoriia Kubinskogo raketnogo krizisa 1962 g. [One hell of a gamble": Krushchev, The Secret Story of the Cuban missile crisis of 1962]. Moscow: Rosspen, 2006, 544 p.
5. Микоян С. Анатомия Карибского кризиса. М.: Academia, 2006, 1074 с. [Mikoyan S. Anatomiia Karibskogo krizisa [The Anatomy of the Caribbean Crisis]. Moscow: Academia, 2006, 1074 p.
6. Макарычев М. Фидель Кастро. М.: Молодая гвардия, 2017, 639 с. [Makarychev M. Fidel Kastro [Fidel Castro]. Moscow: Molodaya Gvardiya, 2017, 639 p.
7. Леонов Н. Рауль Кастро. М.: Молодая гвардия, 2015, 255 с. [Leonov N. Raul Kastro [Raul Castro] Moscow: Molodaya Gvardiya, 2015, 255 p.
8. Брилев С. Фидель. Футбол. Фолкленды. Латиноамериканский дневник. М.: Аст-Зебра, 2008, 330 с. [Brilev S. Fidel. Futbol. Folklendy. Latinoamerikanskii dnevnik [Fidel, Football and Falkland Islands. The Latin American Diary]. Moscow, Ast-Zebra, 2008, 330 p.
9. Jeifets, V. and Andreev A. Cuba and Post-Soviet Russia. Challenges and Opportunities // Rouvinski, V. and Jeifets V. Rethinking Post-Cold War Russian-Latin American Relations. New York: Routledge, 2022.
10. Монтанер К. А. Накануне краха. Фидель Кастро и кубинская революция. М.: Знаменитая книга, 1992 [Montaner K. C. Nakanune krakha. Fidel Kastro i kubinskaia revoliutsiia [Before the Failure: Fidel Castro and the Cuban Revolution]. Moscow: Znamenitaya kniga, 1992.
11. Jeifets, V. y Jeifets, L. El encuentro de la izquierda cubana con la Revolución Rusa: el Partido Comunista y la Comintern. *Historia Crítica*. Bogotá, 2017, N 64, pp. 81-100, <https://doi.org/10.7440/histcrit64.2017.05>.
12. Хейфец В. Л., Хейфец Л. С. Кубинские добровольцы на Гражданской войне в Испании: переключка двух революций // ЭНОЖ «История». М., 2019, т. 10. вып. 2(76). DOI: 10.18254/S207987840002585-2 [Jeifets V. L., Jeifets L. S. Kubinskie dobrovoltsy na Grazhdanskoi voine v Ispanii: pereklichka dvukh revoliutsii. ENOZH "Istoriia", 2019, т. 10. Vyp. 2(76) [The Cuban Volunteers in the Spanish Civil War: the Roll Call of Two Revolutions]. *Electronic Scientific and Educative Journal "Istoriya"*. Moscow, 2019. Vo. 10. N.2(76).
13. Наследники Коминтерна. Международные совещания представителей коммунистических и рабочих партий в Москве (ноябрь 1957 г.). Документы. М.: Росспэн, 2013 [Nasledniki Kominterna. Mezhdunarodnye soveschaniia predstavitelei kommunisticheskikh i rabochikh partii v Moskve (noyabr 1957 g.). Dokumenty [The Comintern's Heirs. International Meetings of the representatives of the Communist and Workers' Parties in Moscow (November, 1957)]. Moscow: Rosspen, 2013.
14. Pividal Padrón F. Movimiento 26 de Julio – Seccion Venezolana. La Habana, 2019.
15. Кастро Рус Ф. Стратегическая победа. М.: Международные отношения, 2011 [Kastro Rus F. Strategicheskaya pobeda [A Strategic Victory]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, 2011.
16. A Moderate in the Cuban Revolution. Available at: <https://www.pbs.org/wgbh/americanexperience/features/castro-huber-matos-moderate-cuban-revolution>

Лазарь Хейфец

Lazar S.Jeifets (ilaranspb@hotmail.com)

Dr. of Sc. (Historical science), Professor at the Saint-Petersburg State University,
professor at the Saint-Petersburg University of Aerospace Instrumentation

Universitetskaya embankment, 7-9, 199034 Saint-Petersburg, Russian Federation

Bolshaya Morskaya st., 67, 190000, Saint-Petersburg, Russian Federation

An answer that raises new questions

[Review of the book by Батиста Ф. Ответ. Подольск: Музей антибольшевистского сопротивления, 2021, 288 с. [In Russ.]

Abstract. This review analyzes recently translated into Russian the former leader of Cuba, Fulgencio Batista. The author's views on the Cuban revolution are critically compared with a number of facts known from the literature.

Key words: Cuba, revolution, historiography, Fidel Castro, Fulgencio Batista, Communist Party of Cuba.

DOI: 10.31857/S0044748X0019917-7

Received 03.01.2022.